



Позывные фестивалей

ПЕСНЯ ЛЕТИТ НАД ЗЕМЛЕЙ

О том, как был написан «Гимн демократической молодежи», рассказывает поэт, лауреат Государственной премии СССР Лев Иванович ОШАНИН.

Есть такое выражение: «Песню поют миллионы». И мне довелось однажды слышать, как мою песню пел миллион человек. Это было на заключительном митинге Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Берлине в 1951 году. Молодые люди из разных стран заполнили площадь Маркса—Энгельса, Унтер ден Линден и другие прилегающие улицы. Подняв кверху сплетенные в рукопожатии ру-

ки и, казалось, раскачивая площадь, они пели «Гимн демократической молодежи» — каждый на своем языке.

От волнения я зачем-то вскочил с трибуны и стоял на ступеньках лестницы. Пробегавший мимо меня кинорежиссер Иван Пырьев толкнул меня локтем и сердито прикрикнул: «Чего стоишь, не видишь — «Гимн» снимают?»

Как сложилась эта песня? Дело было в 1947 году. Го-

товилась невиданная до того международная встреча — Первый Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Праге. Тогда-то и объявили всемирный конкурс на лучшую песню.

Мы с композитором Анатолием Григорьевичем Новиковым уже несколько лет работали вместе: писали военные, лирические песни, сочинили «Футбольную песенку», «Скажи, сынок» и одну из самых дорогих для меня — «Доро-

ги». Решили и на этот раз попробовать свои силы.

Помню, как долго искал я слова и наконец принес их Новикову. Задача была непростая — надо было написать такую песню, чтобы ее подхватили юноши и девушки разных стран. Слова должны были быть высокими и в то же время простыми.

Новикову стихи понравились. — Завтра же напишу музыку, — сказал он.

Но наступило завтра, и по-

слезавтра. Прошла неделя, вторая... Музыки не было. Наконец Анатолий Григорьевич позвонил и сказал мрачным голосом: «Приезжай послушать». Я приехал взволнованный, ожидая услышать готовую песню.

Новиков сел к роялю, заиграл. И вдруг я услышал, что только первые строки музыки написаны на мои стихи, а дальше композитор ушел совсем в другие ритмы. Но музыка была отличная, романтическая. В

ней был драматизм, что-то от «Карманьолы» и от русских революционных песен.

— Ну как?! — спросил Анатолий Григорьевич.

— Это же не на мои слова. — Как же не на твои? Слушай!

И Новиков снова стал играть музыку.

— Это же все твои мысли! Слова пришлось писать, по существу, заново. Времени было мало, мы едва успели закончить песню и дать разучить ее певцу Абрамову.

И вот первый тур. Нас позвали. Абрамов спел песню. Лица членов жюри были каменно непроницаемыми. Мы вышли и, потолкавшись немного в коридоре, уже собрались уходить домой, как вдруг из комнаты жюри вышел один из организаторов и подошел к нам:

— Вас просят подождать, не поняли песню.

Песня была исполнена второй раз, и мы ушли грустные, уверенные, что у нас ничего не получилось. Но песня все-таки прошла на второй тур. Он должен был быть недели через две. Было время еще и еще раз подумать. Дело в том, что припев песни написан вроде бы вопреки всем законам песенного творчества: он весь состоит из шипящих букв. Помните?

Песню дружбы запекает молодежь.

Молодежь, молодежь. Эту песню не задумишь, не убьешь, Не убьешь, не убьешь.

Я решил переделать припев и написал чуть ли не двенадцать вариантов. Все они были вполне вокальны. Но, сколько мы ни пробовали их петь, чего-то главного в них не хва-

тало. Я вспомнил слова Маяковского: «Есть еще хорошие буквы «Р», «Ш», «Щ» — и оставил первый вариант припева. Гимном песня стала не сразу. Сначала она была избрана песней фестиваля в Праге, а потом уже конгресс ВФДМ объявил ее Гимном федерации.

Судьба ее завидна и удивительна. Не знаю, есть ли язык, на который бы она не была переведена. На одном из фестивалей я слышал, как ее исполнял житель острова Мадагаскар — мальгаши — на своем языке. А многие ли из вас знают о существовании мальгашского языка?! Для меня, например, это было открытием.

Самое дорогое для нас, авторов, в этой песне то, что она помогла понять друг друга многим разноязычным, разноплеменным молодым людям.